

19. *Nisbett R.E.* et al. Behavior as seen by the actor and as seen by the observer // *J. Pers. and Soc. Psychol.* 1973. V. 27. P. 154—164.
20. *Peterson R.S.* Can you have too much of a good thing? The limits of voice for improving satisfaction with leaders // *Pers. and Soc. Psychol. Bull.* 1999. V. 25. P. 313—324.
21. *Phillips J.M.* Antecedents and consequences of procedural justice perceptions in hierarchical decision-making teams // *Small Group Res.* 2002. V. 33. P. 32—64.
22. *Phillips J.M., Douthitt E.A., Hyland M.A.M.* The role of justice in team member satisfaction with the leader and attachment to the team // *J. Appl. Psychol.* 2001. V. 86. P. 316—325.
23. *Quigley B., Tedeschi J.* Mediating effects of blame attributions on feelings of anger // *Pers. and Soc. Psychol. Bull.* 1996. V. 22. P. 1280—1288.
24. *Tyler T.R.* The psychology of procedural justice: A test of the group-value model // *J. Pers. and Soc. Psychol.* 1989. V. 57. P. 830—838.
25. *Tyler T.R.* The role of perceived injustice in defendant's evaluation of their courtroom experience // *Law and Society Review.* 1984. V. 18. P. 51—74.
26. *Tyler T.R.* Why citizens follow the law: Procedural justice, legitimacy and compliance. Unpublished manuscript, Northwestern University, 1987.
27. *Tyler T.R., Degoey P.* Collective restraint in social dilemmas: Procedural justice and social identification effects on support for authorities // *J. Pers. and Soc. Psychol.* 1995. V. 69. P. 482—497.
28. *Vonk R.* Negativity and potency effects in impression formation // *Eur. J. Soc. Psychol.* 1996. V. 26. P. 851—865.

Поступила в редакцию 28.III 2008 г.

НАРЦИССИЗМ КАК КЛИНИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Е.Т. СОКОЛОВА

Опираясь на теоретический анализ и собственные многолетние исследования, автор представляет общую характеристику нарциссизма, описывает связь между нарушениями структуры идентичности, регуляторными механизмами, стилевыми когнитивными особенностями и способами межличностного познания, позволяющую прогнозировать широкий круг психических и поведенческих расстройств. Показано, что феномен нарциссизма имеет био-психосоциальную обусловленность, а также что современный технологический бум наряду с распространением потребительских ценностей создает новые стимулы для развития нарциссической и перфекционистской направленности личности.

Ключевые слова: нарциссизм, потребительские ценности, перфекционизм, тело как объект перевоплощений Я, манипулятивность в общении, комплаентность, психотерапия, когнитивный стиль, алекситимия, механизмы защиты, копинг, аутодеструктивность.

...Обращенные на самих себя, на самих себя обреченные.

Даррелл Л. Жюстин

...Раз не вышел из меня любовник,
Достойный сих времен благословенных,
То надлежит мне сделаться злодеем...

Шекспир В. Ричард III

Всплеск интереса к проблеме нарциссизма в психологической науке и

практике стимулирован становлением так называемой культуры нарциссизма с ее ценностями, в том числе потребительскими. Подобно тому, как утрачивает целостность, секуляризируется и индивидуализируется современное общество потребления, так и Я человека подвергается процессу фрагментации вследствие избыточной поглощенности эгоцентри-

ческими интересами, эмоциональной сосредоточенности на самом себе и избытия предлагаемых социальными институтами способов «самоублажения» [1], [8].

Нарциссизм — явление интернациональное, однако нельзя отрицать роли культурной специфики и национальных менталитетов. Про русских говорят, например, что они с легкостью ставят перед собой завышенные цели и столь же быстро демотивируются, когда мечты хоть в какой-то степени не сбываются [6]. Для нас не существует «полуполных стаканов», мы максималисты и перфекционисты. Отечественный нарцисс демонстрирует постоянную душевную борьбу между конформизмом и респектабельностью своего внутреннего «буржуа» и разрушительным негативизмом внутреннего «анархиста»: часть его душевных устремлений связана с неистовым желанием быть примерным социальным человеком, и он с готовностью впитывает в себя клише, предлагаемые масс- и поп- или глам-культурой; но другая ипостась нарцисса, напротив, направлена на разрушение всех и всяческих устоев, саботаж, трансгрессию и поиск любых способов проявления «инакости» и крайнего индивидуализма.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРЦИССИЗМА

Поглощенность удержанием завышенной самооценки и «самоусовершенствованием» вынуждает нарцисса непрерывно включаться в активность по переделке собственного Я. Личность превращается в своего рода «биографический конструктор» [2], трансформирующийся и произвольно собирающийся под влиянием многообразных социальных ролей, постоянно меняющихся рекомендаций ученых и экспертов, журналистов и популяризаторов, целителей и провидцев. «Худея с “рублевской таблеткой”, мы выглядим моложе», «Великолепный секс —

регулярно, успех у женщин — всегда!», «Я этого достойна!» — примеры некоторых из культурных императивов, широко эксплуатируемых «глянцевыми» средствами масс-медиа. Внушающее воздействие подобных стереотипов, их активное внедрение в упрощенные когнитивные структуры сознания и мировосприятие индивида создает и поддерживает нереалистические стремления к «трансгрессии» — иллюзорному переживанию всемогущества, преодолевающего любые границы — пола (его можно оперативно изменить), времени и возраста (стволовые клетки омолодят), телесных явных и мнимых недостатков (возможности эстетической хирургии и трансплантологии безграничны).

Средства массовой информации, поставленные на службу нарциссическим целям, фетишизируют идеальное, вечно молодое, сексапильное, стройное и подтянутое тело. Само телесное благополучие становится синонимом успешности, жизненной состоятельности, счастья и удовлетворенности собой. Культ совершенства превращается в массовую, лихорадочную погоню за идеалом, в новую манию, зависимость, которую можно назвать нарциссическим перфекционизмом. Погоней за престижными атрибутами влиятельности и власти достигается идентификация с omnipotentной (всемогущественной) «частью» собственного Я, но одновременно порождаются и противоположные состояния — мучительное недовольство собой из-за ревнивого и завистливого соперничества с объектом идеализации, потеря уверенности в своих силах, сомнения в оправданности собственного существования. Страсть к совершенству (недостижимому в реальности) в моделировании собственного тела, устройстве жилища, организации бизнеса или собственной семьи в качестве оборотной стороны, таким образом, имеет жестокие разочарования, так называемую нарциссическую рану, вследствие несо-

стоятельности фантазий о собственном всемогуществе и превосходстве.

Современный человек постепенно теряет внутреннюю определенность устоев, становится «хамелеонообразным» по своей сути; он исповедует моральный релятивизм, готов к смене телесных оболочек, равно как и мировоззрений; его чувство Я диффузно, расплывчато и неопределенно, а экспансивная безграничность самоидентичности диктуется довлеющим желанием все испробовать, во всем поучаствовать, везде поспеть, «засветиться», потусоваться. Людей, жизнь которых потеряла привлекательность, исполнена скуки и суеты, а все усилия сконцентрированы на поддержании самоуважения, в психоанализе называют нарциссическими [21]—[23], [25]. Сущность нарциссического самоутверждения состоит также в непрестанной шлифовке манипуляций, заставляющих других людей обращать внимание на «блестящий фасад» и не замечать ужасающей внутренней пустоты, нищеты и порочности Я. Создавать у других (и у самих себя) впечатление совершенства и превосходства («грандиозности») при глубинном страхе дезавуирования окружающими «голого короля», беспомощного «импотентного» Я — вот основа мотивации нарцисса и секрет его поглощенности всем внешним — телесным обликом, жилищем, блестящим окружением знаменитостей и бой/герл-френдс, щедро запечатленных в картинках модных журналов или телешоу. Чем сильнее предвосхищение стыда за потенциальный позор разоблачения, тем изощреннее уловки и манипуляции, тем более «блестящими» должны выглядеть фасад и имидж репрезентируемого вовне социального Я [5]. «Контролируя то, как мы выглядим в глазах других, — замечает один из исследователей этого феномена, — мы стараемся контролировать то, как мы выглядим в собственных глазах, и то, что чувствуем по этому поводу» [5; 26]. Потребности же во всеохватном контроле и безгранич-

ной власти составляют один из наиболее глубоких и бессознательных источников нарциссизма.

Требования неограниченного совершенства как жесткий внутренний императив (рудимент доверчиво и некритично интроецированной инфантильной зависимости от завышенных родительских ожиданий) при принципиальной недосягаемости идеала вырастают в постоянную обесценивающую критику себя самого или других и приводят к неспособности получать какое бы то ни было удовольствие от жизни, одновременно смиряясь с естественной ограниченностью человеческого существования. Беда таких людей в том, что, претендуя на исключительность во всем, даже в тяжести собственных страданий, они действительно «исключают» себя из человеческой общности, по сути, это люди-изгой.

Постоянно истязаяющие себя, «мазохисты», они невыносимы для окружающих. В обыденной жизни про таких людей говорят, что им недостает мужества стойко переносить не только исключительные, но даже обычные жизненные невзгоды. Они производят впечатление слишком хрупких и не приспособленных для жизни, и в этом смысле окружающие чувствуют себя неловко, рискуя стать для них невольной угрозой разрушения, «слоном в посудной лавке». Однако это только одна ипостась присущей нарциссам двойственности. В них причудливо переплетаются противоречивые черты характера: чрезмерная зависимость от внимания и похвалы окружающих, от которых они «расцветают», и подчеркнутые отстраненность, высокомерие, холодность. Они малопредсказуемы и подвластны перепадам настроения; им трудно совладать со своими эмоциями, особенно гневливыми и довольно бурными, чаще всего истинные чувства и страсти им приходится маскировать или скрывать; они чрезвычайно самолюбивы и ранимы, но подчас бестактны и даже жестоки; их восхищение и идеализация мо-

гут при малейшем разочаровании смениться пренебрежением и обесцениванием. Отчаянно нуждаясь во внимании и поддержке, в «поглаживании» самолюбия, они, тем не менее, редко способны преодолеть собственную гордыню, попросить о помощи и еще реже — принять ее, испытывая искреннюю благодарность; узы привязанности их и манят и страшат.

Демонстрирующие подчас необычайную щедрость и великодушие, они, не отдавая себе сознательного в том отчета, подвержены приступам жгучей зависти и ненасытной жадности; полученного же всегда оказывается недостаточно, да и оно чаще всего легко утекает меж пальцев. В совместном деле на них трудно полагаться — они могут искренне мечтать быть полезными, порой строят грандиозные планы и верят в свою способность к великим свершениям (меньшее их не прельщает), но малейшая неудача способна обескуражить настолько, что они чувствуют себя абсолютно недееспособными; им не хватает силы воли, чтобы длительно и постепенно идти к намеченным целям, для них более характерна мгновенная и кратковременная мобилизация сил с последующим истощением и апатией.

Они предпочитают жить рискуя, балансируя на острие бритвы, не чувствуя края, игнорируя опасности, превозмогая болезни, пренебрегая ограничениями — так, как будто они выше этого; обычные правила общежития и этические нормы кажутся им невыносимыми и бессмысленными. Их часто одолевают скука и ощущение пустоты собственной жизни, в которой они не видят ни радости, ни ценности, альтруизм же им чужд. При всей своей сензитивности они подчас нуждаются в сверхсильных и даже болезненных раздражителях (в рабскую зависимость от которых и быстро впадают), чтобы пробудить в себе хоть какие-то ощущения и возродить хоть на миг вкус жизни. Безмерно страдающие и одновре-

менно бесчувственные, они заставляют страдать других; они и жертвы, и палачи попеременно. В общем, в них всё — крайности и противоречия, сложности и запутанность. Им присуще неизъяснимое очарование совершенства и порочности, они окружены ореолом тайны, у окружающих они вызывают все что угодно, но только не равнодушие. Они раздражают, шокируют, внушают восхищение и ужас, притягивают и отталкивают одновременно; близкие же их не столько искренне любят и ценят, сколько вынужденно терпят или жалеют; в социальной жизни они занимают крайние позиции — либо изгоев, либо звезд — тиранов с манерой величия и непогрешимости.

Распространенность в современном обществе различных вариантов «распада самости» и деструктивности заставляет относиться к феноменам нарциссизма и сопутствующего ему перфекционизма как пограничным между нормой и клинической психопатологией, как своего рода «социокультурной патологии» самоидентичности. Формы нарциссической разрушительности многообразны, они, подобно раковой опухоли, пронизывают все сферы жизнедеятельности и проявляются в перфекционизме, негативистически враждебном отношении к себе и другим и в соответствующих формах социальной практики, таких как погружение в безудержные злоупотребления пищей, алкоголем, наркотиками, работой, информационными технологиями, сексом, системами духовного и телесного «самосовершенствования», личной гигиены и косметикой, фитнесом, пластической хирургией — список объектов злоупотребления бесконечен. «Подобно тому, — замечает Х. Кохут, — как недостаточно стимулированный ребенок, не получивший достаточных эмпатических ответов, дочь, лишенная идеализируемой матери, сын, лишенный идеализируемого отца, стали отныне олицетворением центральной проблемы человека в нашем западном мире, так и разрушенная, де-

компенсированная, фрагментированная, ослабленная самость такого ребенка, а затем хрупкая, уязвимая, опустошенная самость взрослого человека и есть то, что изображают великие художники нашего времени — звуком и словом, на холсте и в камне — и что они пытаются исцелить. Композитор беспорядочного звука, поэт расчлененного языка, живописец и скульптор фрагментированного зримого и осязаемого мира — все они изображают распад самости и, по-новому собирая и komponуя фрагменты, пытаются создать структуры, обладающие цельностью, совершенством, новым значением» [7; 268].

ФЕНОМЕНЫ ТЕЛЕСНОГО НАРЦИССИЗМА

Забота о своем телесном Я занимает особое и чрезвычайно важное место во внутреннем мире нарцисса: ценность красоты, внешнего облика, физиологических отправления и соматического здоровья гипертрофирована, а оценка их наличного состояния никогда не удовлетворяет. «Я, сделанный небрежно, кое-как / И в мир живых отправленный до срока / Таким уродливым, таким увечным, / Что лают псы, когда я прохожу...», — анализируя этот знаменитый «программный» монолог Ричарда III из шекспировской пьесы, З. Фрейд замечает: «...его монолог означает: природа учинила жестокую несправедливость по отношению ко мне, отказав в благообразии, которое обеспечивает человеческую любовь. Жизнь *обязана мне* (курсив мой. — *Е.С.*) за это вознаграждением, которое возьму я сам. Я претендую на то, чтобы быть исключением, не обращать внимания на опасения, стесняющие других людей. Я вправе творить даже несправедливость, ибо несправедливость была совершена со мною... Ричард — гигантское преувеличение этой одной черты, которую мы находим и в себе. По нашему мнению, у нас есть полное основание возненавидеть судьбу за

нанесенные от рождения или в детстве обиды, мы требуем полного вознаграждения за давние оскорбления нашего нарциссизма, нашего себялюбия» [21; 50—51].

Глубокая зависимость от декретированных обществом и культурой эталонов восприятия телесности и страдания из-за реального или мнимого несоответствия им превращает образ телесного Я в очаг индивидуального своеволия; он подвергается субъективным искажениям даже в большей степени, чем восприятие находящихся вне человека объектов реальности. Обратная связь, предоставляемая фотографиями, зеркалами, видеосъемками, не препятствует искажению образа физического или телесного Я под влиянием мотивации, соматического состояния и настроения, успеха/неудачи [10], [12].

Образ телесного Я людей, находящихся под влиянием сильной зависимости от интрапсихических состояний удовлетворения/неудовольствия, а также требований и мнений своего социального окружения (с которыми индивид склонен импульсивно идентифицироваться), особенно подвержен патологическим флуктуациям. В этом случае можно говорить о наличии синдрома «размытости границ Я», предполагающего высокую стрессодоступность в целом и виктимность, в частности, обнаруженную нами у лиц с погранично-нарциссической личностной организацией с особой уязвимостью самооценки — у венерически инфицированных проституток, у лиц, переживших физическое и сексуальное насилие, пищевых аддиктов и суицидентов, потребителей услуг эстетической хирургии [13], [14], [16], [17]. Границы образа телесного Я в силу их высокой пронцаемости не справляются со своими «материнскими» функциями защитного барьера против внешнего насилия и невыносимых внутренних перенапряжений. Внутреннее пространство телесного Я подвержено метаморфозам: оно ут-

рачивает временно-пространственную стабильность — то расширяется до безграничности (нарциссическая экспансия), то «сплющивается», теряет качества объемности, полнокровной чувственности, девитализируется, обнажая субъективно переживаемую безжизненность и пустоту.

Ищущие совершенства во всем, нарциссические личности демонстрируют черты безудержного перфекционизма и в сфере телесности: ипохондрики, они неустанно пекутся о здоровье, лечатся новомодными (дорогими или экзотическими), лекарствами и чудодейственными аппаратами, неустанно «улучшают» себя, изнуряя разнообразными диетами и физическими нагрузками. Они становятся завсегдатаями и яркими поклонниками фитнес-клубов, косметологических салонов, получая искусственное удовлетворение от разнообразных манипуляций с собственным телом, которое их, впрочем, никогда полностью не устраивает. Они готовы на любые пластические операции (и повторяют их вновь и вновь), лишь бы обрести все более совершенные внешние данные. Нередко эта страсть превращается в неуправляемую манию, выражается в сверхзависимости самоотношения от телесного состояния и манипуляций с телом. Отсюда наблюдаемая и в обыденной жизни психопатология — неумная страсть к злоупотреблению всем, что может способствовать созданию и сохранению чувства собственного совершенства — от дорогого парфюма до экзотических диет; от фитнеса до бесчисленных пластических операций. Доведем этот пример до парадокса, сформулированного когда-то С. Лемом в одной из своих новелл: можно ли астронавта, которому после пережитых многочисленных космических катастроф хирурги последовательно протезируют разные (в итоге почти все) части тела и внутренние органы, считать самой себе тождественной личностью?

Поклонение своему телесному Я и обожествление его — только одна из «ча-

стей» нарциссической самоидентичности, противоположную ее «часть» составляет аффективный комплекс хронического недовольства собой, глубокого стыда и даже ненависти к себе [5]. Люди с так называемыми пищевыми зависимостями испытывают навязчивое и безостановочное стремление худеть, чтобы все больше и больше соответствовать идеальным телесным размерам и контурам, никогда не испытывая полного удовлетворения от достигнутого и борясь с очередными разочарованиями погружением в бесконтрольное обжорство. При этом эталонный образ тела, внедренный в Я, превращается в «тиранию долженствования» с беспощадными самообвинениями, презрением к себе, самоистязанием, что заканчивается потерей цельности, аннигиляцией идентичности, чувством пустоты. Многие клинические наблюдения показывают, что девушкам с синдромами анорексии/булимии присуща грубая деформация и расщепление образа своего телесного Я. Они практически не осознают, насколько истощены длительным голоданием, худы до безобразности, физиологически и внешне лишены женственности; даже в состоянии смертельно опасной кахексии они продолжают видеть себя «недостаточно стройными», а при малейшем увеличении веса — «толстыми» [10], [12]. Одна из пациенток известного американского психиатра Хильды Брух не улавливала разницу между двумя фотографиями самой себя, несмотря на то, что на одной из них она весила на 30 кг больше. Другая пациентка признавалась, что может увидеть, насколько истощенным стало ее тело, только когда смотрится в зеркало, но стоит ей отойти от него, как ей снова начинает казаться, что она толстая [24].

Людам с подобным заболеванием недостает собственной системы внутренних оценок, и в полной растерянности они буквально «припадают» к чужим, как правило, заимствованным из гламурных

источников представлениям и ценностям. По мнению специалистов, зависимость от еды представляет собой лишь частный случай потребительских пристрастий, каталогизировать которые не представляется возможным и разумным, поскольку их объекты производны от материальной культуры и человеческой индивидуальной истории, но психологический механизм аддикций остается единым. Отсутствие во внутреннем мире репрезентаций надежного, постоянно поддерживающего материнского объекта заставляет навязчиво искать его вовне и находить суррогатное утешение в искусственных объектах симбиотической («наркотической») привязанности-зависимости, «прилипать» к которым они только и способны ощутить самих себя [9], [20].

Отношение нарцисса к самому себе и другим людям можно было бы описать «комплексом мальчишка Кая» из известной сказки Г.Х. Андерсена, которого попавшая в глаза льдинка лишила любви и сострадания. Это явление отчуждения от своей самости, бесчувственности, эмоциональной холодности, которое охватывает все сферы душевной жизни, проявляясь в блеклости ощущений и душевной обедненности, своеобразной эмоциональной тупости. Как говорит одна пациентка: «Я понимаю, что я *должна* чувствовать, но я на самом деле этого не чувствую» — рациональное и чувственно-эмоциональное в их душе расщеплено. Подобно героине фильма режиссера М. Ханеке «Пианистка», такие люди как будто не чувствительны к боли, скорее испытывают тягу к нанесению себе телесных увечий, но и это не возрождает их способности чувствовать, они остаются все так же странно чуждыми, посторонними наблюдателями «как будто» своих телесных отправлений. Подчас они отождествляют себя с тем или иным органом или частью тела, но не в силах создать целостное, полнокровное и пронизанное жизнью, а не девитализированное

и фрагментарное представление о себе. Способные легко и без эмоций предоставить другим пользоваться их телом (легкость проституирования), они склонны и к манипулятивным межличностным отношениям [10], [16].

Им неведомы подлинно интимные отношения, в любви и сексе они прежде всего ищут подтверждения своей неординарности, превосходства над партнером, но не доверия и единения, — глубокую привязанность они путают с удушающей зависимостью и бегут от нее [4], [22], [25]. Богатство, безудержность и экзотичность их эротических фантазий (часто пронизанных садомазохизмом, фетишизмом и другими разнообразными перверсиями) причудливо соседствуют с эмоционально выхолащенными реальными отношениями, техничностью и механистичностью секса. Они одиноки и здесь, в сущности, им не нужен партнер в сексе или же он легко заменяем. С этим, по-видимому, связаны для них притягательность ампула Казановы, а также сексуальная всеядность и неразборчивость (промискуитетность), где мастурбация, фетишизм и гомосексуальность фактически одинаково уравниваются в своей отчужденности и от Я, и от объекта чувств, пронизаны холодностью и мертвенностью.

НАРЦИССИЧЕСКАЯ АЛЕКСИТИМИЯ

Свои переживания нарциссы с трудом облачают в слова, значительная часть их душевной жизни протекает на невербальном и пресимволическом уровне, в смутных, малоосознаваемых, но мощных по аффективному заряду ощущениях и «влечениях-тяготениях», а душевное неблагополучие обнаруживает себя почти исключительно под маской соматического заболевания, в ипохондрии и соматоформных депрессиях. Например, пациентка М., в течение восьми лет страдавшая хроническим невынашиванием беременности, в процессе длительной психотерапии пришла к осознанию, что

мучившие ее неукротимые рвота и тошнота из частного психосоматического симптома (токсикоза беременности) давно переросли в стереотипную и генерализованную реакцию на «насилие и мерзость жизни», что «изгаженные» отношения с людьми преследовали ее с раннего детства, что все время немоты своего Я она была «беременна ненавистью» [10].

Как говорилось выше, телесность сама по себе является «фокусом» избирательного, глубоко пристрастного и повышенного интереса нарцисса, ядром его самоотношения, что намного превосходит и интерес к другим аспектам Я, и интерес к другим людям [21], [22]. В восприятии физического и гендерного Я отражается специфичность нарциссической самоидентичности как целого, с присущими ей расщепленностью, фрагментарностью, доминированием нереалистического обожествления/обесценивания и импульсивного отреагирования. Внутренняя противоречивость репрезентаций телесности (возникающая вследствие расщепления чувственного и символического уровней самосознания, а также конкретно-ситуативного мышления) обуславливает полярность эмоционального отношения к своей телесной жизни, простирающейся от горделивого эгибиционизма и перфекционизма до своего рода телесного мазохизма, экстремизма и «аутотерроризма». Речь здесь идет о преувеличениях, почти карикатурных излишествах, с помощью которых нарциссическая личность пытается достичь и сохранить атрибуты телесного совершенства, а переживая неминуемый крах, садистически карает себя.

Актуальный образ телесного Я исключительно сензитивен к влиянию негативного эмоционального опыта прошлого и слит с репрезентациями так называемых первичных объектов — инфантильными образами материнской и отцовской фигур. Ф. Кафка, вспоминая о детстве, с горечью и стыдом писал о сохранившемся навсегда ощущении своей

ничтожности в сравнении с отцовской фигурой, мощной и безупречной в своей непосредственной и «давящей» телесности, заставляющей терять дар речи и делающей сближение недоступным и недостижимым. И в зрелые годы он продолжал страдать от мысли о своей физической непривлекательности и избегал интимных отношений, оставаясь до конца своей жизни в эмоциональной изоляции и «немоте».

ТЕЛО КАК ОБЪЕКТ ПЕРФЕКЦИОННО-НАРЦИССИЧЕСКИХ МАНИПУЛЯЦИЙ И ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Современный человек, остро переживающий утрату молодости и привлекательности, временности полноты бытия, склонен к идеологии асоциальности, он разделяет идеи об архаичности и неуместности четкого и в каком-то смысле ограниченного самоопределения; ему близки мечты о всеисилии и вседозволенности. Как следствие — поиск альтернативных форм поведения и множественных перевоплощений идентичности, гипертрофирующих чувство собственной уникальности [1], но также и увеличивающих риск дробления и диффузии идентичности. Парадокс заключается в том, что нарциссы глубоко индивидуалистичны по своей сути и одновременно ориентированы вовне, на других; новейшие технологии «самопрезентации» и «харизмейкерства», по хлесткому выражению В.П. Зинченко, столь высоко ценимые и широко востребованные в современном обществе, дополнительно провоцируют и подпитывают эту человеческую слабость, вольно или невольно способствуя процветанию культуры деперсонализации и культуры «псевдо-».

В наши дни, когда ускоренно развивается рынок социальных услуг, позволяющих произвольно моделировать и трансформировать внешность, а тело рассматривается как товар на продажу, чью ценность можно и нужно всемерно

повышать, эстетическая хирургия начинает использоваться наряду с другими инновационными технологиями ради удовлетворения «подпитывающих» публичный образ Я потребностей. Здесь не может быть и речи о стремлении к саморазвитию, напротив, речь идет о навязчивом иррациональном желании избавления от собственного (живого, аутентичного, но не безупречного) Я, магическом обретении вместо него другого телесного Я, лишённого каких бы то ни было несовершенств и слабостей, но выдуманного и нереалистического.

Складывается ситуация, провоцирующая радикальную трансформацию самосознания и этики человеческого вида в целом, например, когда тело превращается в предмет, который довольно легко переделать, а то и сменить. Тело и гендер утрачивают статус базовой идентичности и превращаются лишь в одну из возможных идентификаций Я человека, зависящих от социально-культурных факторов — статуса, финансовых возможностей, моды и пр. Все это способно привести к деформациям и утрате самости, делает человека не только предельно восприимчивым, но безрассудно «всеядным», создает различные формы «культурной патологии». Среди них — нарциссический перфекционизм с его притязаниями на безграничность, всемогущество и «надчеловечность», презрением к природе с ее естественными ограничениями и убежденностью во всевластии технологий, их фетишизацией.

Указанные личностные особенности можно иллюстрировать проведенным нами вместе с Л.Т. Баранской [14] исследованием, в котором у значительной части пациентов эстетической хирургии была обнаружена нарциссическая динамика мотивации: панический страх утраты привлекательности, непереносимый стыд за дряхлость и дряблость, за несоответствие телесного облика перфекционным социально-профессиональным и культурным стандартам. Они склонны

использовать хирургическую пластику в качестве архаического защитного механизма — бессознательного телесного отреагирования непереносимого чувства стыда. Как в русских сказках, им грезится, что пилинг, лифтинг и проч., подобно сказочному кипящему молоку, помогут сбросить «змеиную» кожу старости, «ударившись об пол», обернуться добрым молодцем или красной девицей, а тут уж и Жар-птица будет поджидать их в виде новых романтических отношений.

Типичными потребителями услуг в этой сфере становятся женщины (а в последнее время и мужчины), занимающиеся административной, высококвалифицированной деятельностью и менеджментом, звезды шоу-бизнеса и кинематографа, разведенные и незамужние, а также люди, ипохондрически озабоченные здоровьем и часто обращающиеся за какой-либо медицинской помощью. Обычно это люди со сверхзависимым складом личности, внушаемые, лишённые четких внутренних ориентиров и склонные к социальному конформизму. Они автоматически и некритически интериоризируют активно пропагандируемые средствами массовой информации ценности и социокультурные стереотипы о неприемлемости каких бы то ни было признаков старения и несовершенства, подталкивающие людей к «спасительному» хирургическому вмешательству, якобы способному избавить их от любых жизненных проблем.

Действительно, позитивные изменения физического облика влияют на улучшение психологического статуса, на повышение уровня самооценки и уверенности в себе. Однако независимые исследователи обращают внимание также на побочные психологические эффекты от хирургического вмешательства, а именно: расстройства сна, тревожность, симптомы депрессивных состояний и неспецифические соматические жалобы. Однако и при наилучших исходах операций многие из них чувствуют себя разочаро-

ванными и обманутыми от того, что реальная жизненная ситуация или интимно-личностные отношения не изменились — ведь изменения внешности, вопреки ожиданиям, не снабжают их новыми внутренними ресурсами.

Напомним, что для нарциссической личности Я, не подтвержденное значимыми Другими, становится «плохим», а переживаемые разочарования воспринимаются как жесточайшая «нарциссическая рана», как полная жизненная катастрофа. Обращающиеся к помощи эстетической хирургии наивно полагают, что, преобразенные, они вместе с новым телесным обликом приобретают страховку от измен, расставаний и прочих разочарований. Поскольку «разрешение» внутренних конфликтов достигается ими почти исключительно путем видимых внешних изменений, постольку нарцисс по-детски «материалистичен» — символическая проработка интрапсихических конфликтов затруднена или заблокирована. Его не может удовлетворить и утешить ничто кроме немедленного и желанного изменения *конкретно* «невыносимых» обстоятельств. Если же не удастся «заставить» ситуацию или окружающих людей выполнять их желания, тогда ее надо разрушить; здесь в качестве наиболее приемлемого способа выхода из ситуации невыносимого жизненного кризиса и выступает импульсивное действие, например, эстетическая операция как нарциссическая иллюзия мгновенного обретения прекрасного будущего. Подчеркнем: мотивом является не просто достижение совершенства, а желание *избавиться* от собственного Я, обремененного грузом неудач и разочарований, и обретение вместо него другого нового и младенчески чистого Я. Когда же, несмотря на удачно проведенную операцию, человек продолжает чувствовать себя «недостаточно удовлетворенным», сфокусированность на «плохом» участке тела не исчезает, он начинает поиск «лучшего» пластического хирурга и «лучшей» клиники.

Одним из значимых маркеров «нарциссической личности» является склонность к манипулятивному стилю общения, стремление подчинить своему контролю других, включая врача, непринятие социальных правил и сопротивление социально регламентированному поведению. У пациентов группы риска сотрудничество с врачом (комплаентность) также носит парадоксальный и манипулятивный характер (сочетание зависимости и обесценивания), оно имеет нежелательные исходы в виде гнева, саботажа врачебных рекомендаций, психологического давления, обесценивания помощи и суицидального шантажа, судебных исков. Поэтому послеоперационный период сопровождается болезненными переживаниями неудовлетворенности результатами операции, нарциссическим «крахом» и возвратом к чувству собственной малоценности, своеобразной депрессии поражения. Врач оказывается тем персонажем проекции, кто «как и все и всегда предает», наносит нарциссическую рану, а следовательно, «наказание» его шантажом или судебным иском вполне правомерно. Манипулятивно-провокативное поведение таких пациентов изматывает врача и способствует его «эмоциональному выгоранию» с расшатыванием его профессионального самоуважения и втягиванием в параноидно-судяжные отношения.

НАРЦИССИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В современной психологии принято считать, что последовательная, целостная и непротиворечивая картина мира может развиваться в детском возрасте и, стабильно функционируя, защищать в дальнейшем от превратностей судьбы только благодаря отзывчивому отношению заботящегося о ребенке взрослого, т.е. внутри своеобразного «контейнера» отношений безопасной привязанности [20]. Таким образом, отношения между ребенком и взрослым служат «прост-

ранством», обеспечивающим аффилиативную, подпитывающе-созидательную или, напротив, «токсичную», инвалидирующе-разрушающую среду, в которой формируются все психические функции, в том числе регуляторные системы, когнитивные способности, язык и символические средства переработки «невыносимого» аффективного состояния. Приобретенные в детстве «рабочие модели привязанности», или «репрезентативные модели объектных отношений» (вариативность терминов диктуется рамками соответствующих теорий), ответственны за бессознательную диспозиционную готовность к специфической организации актуальных взаимодействий и оказывают влияние на аффективную валентность («тональность») их восприятия, доброжелательную или враждебную [17].

Данный контекст и является ориентирующим для проводимых нами исследований психологических закономерностей, определяющих формирование, строение и функционирование когнитивных структур, обобщенно-схематизированных представлений о межличностных отношениях, механизмов аффективной регуляции (защит и копингов), которые функционируют в качестве системно-организованного установочного механизма социального познания или аффективно-когнитивного стиля [10], [11], [15]—[17].

Стиль личности как устойчивый индивидуальный паттерн познавательных установок и схем, а также конфигураций отношения к себе и к значимым Другим детерминирует склонность субъекта ориентироваться на сложившуюся систему эталонов или в новых трудных, неопределенных и кризисных ситуациях творчески обновлять ее. Стиль моделирует эмоциональные отношения и процессы социального познания, им определяется удача или провал в способности человека в зрелом возрасте избирательно создавать и длительно поддерживать довери-

тельные отношения с близкими людьми, вступать в отношения ответственного и равноправного сотрудничества. Коммуникативные представления — то зыбкие, неадекватные, неполные, то гиперболизированные и сверхобобщенные, порой фантастические, иногда остро эмоциональные и прозорливо точные — могут служить утешением, руководством к действию (как помочь для начинающего ходить малыша), но могут и постоянно подтачивать уверенность в себе, склонять к беспомощности и импульсивным, опасным и рискованным решениям.

При дефиците способности к рациональной и рефлексивной оценке себя вне зависимости от актуальных аффективных состояний и фрустраций представление о себе неустойчиво, оно подвергается постоянным флуктуациям и искажениям. Этим «качелям», присущим погранично-нарциссической личностной организации, способствует эмоциональная нестабильность и глубокая уязвимость самооценки, «грандиозность Я», а также неспособность к ментализации и символизации и преимущественно психосоматический способ изживания и регуляции психотравм (алекситимический синдром).

Существуют ли специфические типы личности, обнаруживающие повышенную предрасположенность к таким проявлениям аутодеструкции, как телесные самоповреждения, аддикции, гендерные перверсии и др.? Результаты наших исследований показывают, что оценка когнитивной зависимости и дифференцированности самосознания является надежным предиктором девиаций поведения и соответствующего типа личности. Вместе с тем, оказывается, связь эта сложная: и те, кто «глобализируют», недоценивают различия, преувеличивают сходство, и те, кто сверхдифференцируют, преувеличивают различия и сглаживают сходство, испытывают большие трудности при попытках интеграции

(«собрания») себя. Люди с самым низким уровнем когнитивной дифференцированности и семантической «оснащенности» самосознания и высокой полезависимостью обнаруживают неопределенность, размытость и временную нестабильность репрезентативной системы, низкий уровень обобщения и связности представлений о себе и значимых Других в единое целое. Типичная конфигурация недифференцированных и глобализированных защит (проективная и интроективная идентификация) способствует закреплению симбиотической зависимости в отношениях, недостатку «самости» и целостности самоидентичности, расщепленности отношений на любовные «хорошие» и «плохие» агрессивные части, спутанности межличностных границ, склонности к диффузной тревоге, импульсивному моторному отреагированию «невыносимых» эмоций в девиациях поведения.

Когнитивная полезависимость кроме всего прочего означает сверхконкретность мышления, сужение возможностей выхода за пределы наличного, эмпирического и непосредственно данного, в том числе путем отстраненного размышления или воссоздающего воображения, мечты; она препятствует антиципации будущего, метафорической реконструкции недостающего, утраченного и тем самым существенно снижает восстановительные ресурсы личности, поддерживая состояние хронического «эмоционального голода», постоянной неудовлетворенности. Низкая дифференцированность («когнитивная простота», недостаток средств анализа и упорядочивания) проявляется в неспособности подмечать тонкие различия и изменения, отличать главное от второстепенного (особенно в сфере социальных отношений и самовосприятия), «глобальностью» и «дихотомичностью» суждений и представлений, антидиалектичностью познания в целом.

В психотерапии люди описанного типа относятся к «трудным»; их когнитивные особенности провоцируют генерализованное сопротивление излечению, саботаж отношений сотрудничества (недостаточной комплаентности), а также накладывают ограничения на способность испытывать облегчение и хотя бы частичное удовлетворение от слов и ментальных преобразований, а не от действий или «вещей».

Склонность разрешать кризисные ситуации аутодеструктивным путем обнаруживается также у людей с чертами прямо противоположными вышеописанным — с чрезмерно высокой (но «ложной») когнитивной дифференцированностью и избыточной детализированностью, однако взаимной несогласованностью и фрагментарностью представлений о себе и других. При доступности аналитических операций мышления индивиду не хватает беспристрастной рефлексивной позиции, последовательности и самоконтроля, главный же дефект состоит в отсутствии избирательности и неспособности к синтезу (интеграции) фрагментированного тревожной опыта.

В общей конфигурации защит системобразующим является механизм расщепления и его производные — обесценивание и превосходство, исключительность и грандиозность, способствующие отвержению и деструкции в отношениях с Другими. Парасуицидальное поведение активизируется у них в ответ на нарциссические обиды и «предательства» Других, крах перфекционистских ожиданий и злокачественный стыд, который порождается субъективно воспринимаемой тотальной личностной несостоятельностью.

Таким образом, оба типа людей с полярно противоположными и *крайне вырженными* чертами когнитивно-аффективной стилевой организации демонстрируют общие базисные дефекты лично-

сти. И те и другие жалуются на неспособность испытывать радость, наслаждаться жизнью, играть, изобретать, инсайтно находить новые грани в привычно обыденном; у них утрачивается также связность и последовательность мышления. Аналогия с младенческой безучастностью и задержкой когнитивного развития в ответ на длительную депривацию материнской любви и внимания здесь вполне уместна. Отсутствие объекта в реальности, не компенсируемое его символически поддерживающей репрезентацией во внутреннем мире, приводит к безвозвратной утрате связей — как эмоциональных отношений с людьми, так и когнитивной целостности ментальных репрезентаций. Мир внутри Я и мир снаружи предстают в первозданном хаосе и тотальной неопределенности, вне пространственных и временных координат, без возможности выразить себя в словах, обрести внутреннюю определенность и «стержень», что не может не внушать растерянности и глобальной беспомощности. Сложность в том, что пациент в силу его глобальной «полезависимости» или столь же глобальной и преувеличенной автономности с трудом принимает помощь сопереживающим словом, которое предполагает созданное в терапии промежуточное пространство «игры», «мечты», условности. В определенном смысле слова, он — слишком материалист, а не идеалист, он жаждет зримого и «вещного» изменения жизни; ограниченность условности и искусственность замещения не могут его утешить; а большего терапевт не может ему дать [12], [13], [16], [18].

Таким образом, парасуицидальный стиль для личностной патологии включает специфические интеллектуальные дефекты, сочетающие сверхконкретность и сверхабстрактность, дисгармоничность в восприятии себя и других и, соответственно, парадоксальность и неустойчивость отношений (от «прилипчивой» за-

висимости с потерей себя до отчуждения и пустоты на месте значимого Другого), систематический сдвиг в сторону негативной эмоциональной окрашенности образа себя и значимых Других, примитивные малоспециализированные защитные механизмы, соединение недостаточности и неизбирательной избыточности средств осознанной семантико-смысловой саморегуляции аффективно-го опыта.

Превалирование расщепления над интеграцией приводит к тому, что травматический эмоциональный опыт, будь то потеря Другого или нарциссическая рана, хронически дестабилизирует способность к переживанию и рефлексивной проработке кризисных состояний, препятствует сохранению собственной стабильной идентичности и удержанию связей со значимыми Другими.

Феномен нарциссизма, как мы видим, выходит далеко за пределы узкоклинической проблематики, напротив, в нем, как в зеркале, отражаются всеобщие, *наши* проблемы, которые ради собственного успокоения мы атрибутируем другим. Сегодняшний культурный контекст с засильем «полой» изнутри, как кукла Барби, поп-культуры [3] представляется наилучшей средой для порождения и расцвета нарциссизма. Глобальные потрясения и финансовые кризисы ставят под удар нашу самодовольную уверенность в способности контролировать мир, предвидеть и предотвращать его удары, однако манящие перспективы высоких технологий сулят сказочное изобилие и почти вечную жизнь. Обилие рекламы создает иллюзию безграничных возможностей, она обещает, соблазняет [19], и вот мы уже наверху райского блаженства — мгновенно и без усилий. Однако встает вопрос: если реклама и все масс-медиа — «нежные насильники», то кто же такие мы, столь неосмотрительно и безгранично открывающие для них свои души и тела?

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Горалик Л. Полая женщина. Мир Барби изнутри и снаружи. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
4. Кернберг О. Отношения любви. Норма и патология. М.: Независимая фирма «Класс», 2000.
5. Килбурн Б. Исчезающие люди. Стыд и внешний облик. М.: Когито-Центр, 2007.
6. Коровкин В. О наших полупустых головах // Новая газета. Свободное пространство. 2008. № 38.
7. Кохут Х. Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002.
8. Липовецкий Ж. Эра пустоты. СПб.: Владимир Даль, 2001.
9. Макдугалл Дж. Театры тела. М.: Когито-Центр, 2007.
10. Соколова Е.Т. Изучение личностных особенностей и самосознания при пограничных личностных расстройствах // Е.Т. Соколова, В.В. Николаева. Особенности личности при пограничных расстройствах личности и соматических заболеваниях. М.: Аргус, 1995. С. 27—206.
11. Соколова Е.Т. Психотерапия: теория и практика. М.: Academia, 2002.
12. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во МГУ, 1989.
13. Соколова Е.Т. Феномен психологической защиты // Вопр. психол. 2007. № 4. С. 66—80.
14. Соколова Е.Т., Баранская Л.Т. Клинико-психологические основания эффективности эстетической хирургии // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. № 3. С. 26—37.
15. Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Леонтиу Ф. К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопр. психол. 2001. № 6. С. 3—17.
16. Соколова Е.Т., Ильина С.В. Роль эмоционального опыта насилия для самоидентичности женщин, занимающихся проституцией // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 5. С. 70—81.
17. Соколова Е.Т., Коршунова А.Р. Аффективно-когнитивный стиль репрезентации отношений Я—Другой у лиц с суицидальным поведением // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. 2007. № 4. С. 48—63.
18. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Изд-во МГУ, 1989.
19. Улыбина Е. Реклама как инцестуозная реальность (Russian Imago 2002). Исследования по психоанализу культуры: Сб. / Под ред. В.А. Медведева. М.: Аграф, 2004. С. 465—493.
20. Фонаги П. Точки соприкосновения и расхождения между психоанализом и теорией привязанности // Журн. практич. психологии и психоанализа. 2002. № 1. март (журнал электронных публикаций): <http://psyjournal.ru/j3p/pap/php?id=200200105>
21. Фрейд З. Некоторые типы характера // Классический психоанализ и художественная литература: Хрестоматия / Под ред. В.М. Лейбина. СПб.: Питер, 2002.
22. Фрейд З. О нарцизме // З. Фрейд. Я и Оно. Труды разных лет: В 2 т. Т. 1. Пер. с нем. / Сост. А. Григорашвили. Тбилиси: Мерани, 1991. С. 107—133.
23. Хензелер Х. Теория нарциссизма // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1 / Под ред. А.М. Боковикова. М.: MGM-Interna, 2001. С. 463—483.
24. Bruch H. The golden cage. The enigma of anorexia nervosa. First Vintage Books Edition. Harvard Univ. Press, 1979.
25. Green A. Life narcissism. Death Narcissism. N.Y.: Free Association Books. 2001.

Поступила в редакцию 19.XI 2008 г.